

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

©2018 г. А. В. Жучкова
г. Москва, Россия

БОГАТЫРСКАЯ ПРОЗА И. БОГАТЫРЕВОЙ. ЭКЛЕКТИКА ЖАНРА

Аннотация: Творчество современной писательницы Ирины Богатыревой актуализирует образы славянского фольклора и мировой мифологии. Однако литературным критикам до сих пор не удается установить жанрово-видовую принадлежность ее текстов. Встречаются такие определения, как «магический реализм», «этническое фэнтези», «славянское фэнтези», «мифопоэтический роман». Проведенное исследование позволяет обосновать типологическое несоответствие текстов Ирины Богатыревой приведенным выше жанровым определениям и последовательно отграничить их от таких понятий, как «магический реализм», «фэнтези», «героический эпос» и «славянское фэнтези». Анализ мифопоэтической составляющей произведений И. Богатыревой выявляет их ориентацию не на мифологическую, а на фольклорно-обрядовую образность, а также позволяет утверждать, что функция фольклорных элементов в текстах писательницы сводится в основном к иллюстративно-орнаментальной.

Ключевые слова: Ирина Богатырева, миф, фольклор, героический эпос, обрядовость, природа, славянское фэнтези.

Информация об авторе: Анна Владимировна Жучкова — кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, 117198 г. Москва, Россия. E-mail: sapra@mail.ru

Дата поступления статьи: 21.02.2018

Дата публикации: 28.12.2018

Для цитирования: Жучкова А. В. Богатырская проза И. Богатыревой. Эклектика жанра // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 216–228.

Ирина Богатырева — финалист премии «Дебют» (2006), лауреат премии журнала «Октябрь», премии детской и подростковой литературы им. С. Михалкова (2012), член Союза писателей Москвы. В 2016 г. роман Богатыревой «Кадын» вышел в финал «Русского Букера» и победил в голосовании «Студенческого Букера». Повесть «Товарищ Анна» (шорт-лист премии И. П. Белкина) в 2017 г. была переведена на французский язык и опубликована в издательстве Albin Micheal. Роман «Формула свободы» в 2017 г. вошел в лонг-лист премии «Русский Букер» и топ-10 самых популярных прозаических публикаций сайта «Журнальный зал».

Однако литературные критики не могут определить жанровую природу прозы Богатыревой, называя ее произведения и мифопоэтическими, и этническими, и магическим реализмом, и фэнтези, а то и вовсе детской и подростковой литературой.

Несомненно лишь то, что в художественной структуре романов Богатыревой важное место занимают фольклорно-поэтические образы и мотивы: от Царевны-Лебедь до прославления Рода и Даждя, от праздника Купалы до легенды об утке, сотворившей

мир. Писательница работает не только со славянской традицией. Роман «Кадын» реконструирует верования и обряды шаманизма пазырыкской эпохи. А в романе «Жити и нежити», наиболее близком славянскому фольклору, встречаются также античные Пан и Феб.

Интересно разобраться с жанровой природой текстов Богатыревой. С мифом или обрядом работает писательница? Создает ли новую реальность, как литература фэнтези, или параллельную, как магический реализм?

Первым произведением И. Богатыревой, вышедшим к читателю, стала повесть «АвтоStop», главы из которой были опубликованы в журнале Л. Костюкова «Девушка с веслом» в 2006 г.

Героический эпос

Уже в повести «АвтоStop» появляется то, что будет лейтмотивом всех текстов Богатыревой — ветер свободы, сбивающий с ног, непостижимо огромный мир и одиночество героя, находящего приют лишь в изнанке реальности, там, где бытие мерцает отблесками иного знания. Герой Богатыревой одинок и бесприютен, но он не дрожащая мышь, ищущая норку и корку. Он чувствует себя равным миру. Его внутреннее «я» усилено лирическим «мы»: «Мы — вольные странники бесконечных дорог». Лексико-статистический анализ ранних текстов Богатыревой показывает, что местоимение «мы» встречается в них во много раз чаще, чем «я».

Повесть «АвтоStop» рассказывает о реальных событиях из жизни автора, повествование ведется от первого лица. Но при этом, по словам Л. Костюкова, «это повесть о молодом поколении» [18]. Также считает и А. Караковский: «...автор действительно пытался написать общечеловеческое произведение» [18]. Богатырева пишет про себя, а получается — про всех. И таким будет каждый следующий ее текст. «Товарищ Анна» (2011) — про студенчество 90-х (в этом произведении вообще нет авторского «я», только собирательное «мы» жителей общаги), «Кадын» (2009–2015) — про алтайскую принцессу, мумия которой была найдена в долине Укока в 1993 г., а на самом деле — про вечный выбор женщин между личным и общественным, «Жити и нежити» (2017) — про цивилизацию, все дальше уходящую от живых истоков, «Формула свободы» (2015–2017) — про то, как сложно стать личностью, «Замкадыш» (2017) — о выборе между иметь или быть.

Поколенческий и общечеловеческий месседж Богатырева всегда передает через мировоззрение только одного, главного героя произведения. В ее романах нет смены нарративов. Остальные персонажи несложные и непротиворечивые, они лишь проекции внутреннего мира героя. Как тени царства Аида, они воплощают одну мысль, один цвет. А спектр — в образе главного героя. «Остальные персонажи есть лишь истории, наблюдение за которыми составляет содержание внутренней жизни героя» [9]. «Я» у Богатыревой приравнено к «мы».

Но при этом, испытывая ли сомнение и боль предательства или радость и благоговение перед гармонией мироздания, центральный герой несколько не меняется внутренне. У него нет характера в понимании литературы XIX в. Он не герой своего времени как таковой, в чьих недостатках и достоинствах можно увидеть недостатки и достоинства эпохи. Он просто герой. В первоначальном смысле этого слова. Берущий на себя бремя выбора.

Мужественно принимая вызов этого мира, он говорит не только за себя, но и за всех. Главные герои Богатыревой из рода эпических богатырей — Кухулина, Бе-

овульфа, Зигфрида и Ильи Муромца. Переживания и озарения они используют не для личностного роста, а во благо города и мира. Их поступки — пример для подражания, а мировоззрение — мировоззрение народа.

Тексты Богатыревой не истории жизни отдельной личности, а сказания о жизни человека и его народа. Герой, выступающий выразителем всего народа, — доминантный признак героического эпоса. Следовательно, тексты Богатыревой обнаруживают типологическое сходство с героическим эпосом.

Но есть и различия. Героический эпос, древнейшая форма литературы, плотно укоренен в национальной мифологии. Он вырос из нее. И другой картины мира не знает. Эпический герой может быть изначально героем мифа (так Сигурд «Старшей Эдды» стал Зигфридом «Песни о Нибелунгах»), может иметь божественное происхождение (Геракл, Кухулин) или являться собирательным образом, олицетворяющим национальный архетип (Беовульф, Илья Муромец), но в любом случае его образ и поведение — литературный аналог национальной мифологии.

Не так у Богатыревой.

Во-первых, писательница не сакрализует миф. Она понимает его весьма утилитарно: «Миф в обыденной жизни компенсирует невежество и отсутствие специальных знаний. Причем он эволюционирует по мере эволюции знаний вообще. <...> склонность к мифологизации, постоянное порождение новых мифов, свидетельствует об инфантилизме общественного сознания» [3].

Ремарка несогласия. Если говорить о мифе древнем, то материалистическая концепция, на которой базируется утверждение И. Богатыревой («Миф в обыденной жизни компенсирует невежество и отсутствие специальных знаний») сегодня ставится под сомнение. «Более достоверным представляется взгляд на прошлое человечества как на сбалансированную систему отношений между человеком и природой, построенных по принципу взаимодействия. Находится все больше фактов, подтверждающих, что древний человек жил в гармонии с природой или, прибегая к научной терминологии, умел строить системные контуры обратной связи» [10, с. 108]. Математик и философ В. Н. Тростников считал миф не примитивно-первобытной, а, наоборот, более сложной по сравнению с современной формой мышления и отражения мира: «Современные ученые утверждают, что миф складывался в результате обобщения социального и производственного опыта. Но тогда его понятия должны были становиться все более общими, абстрактными, емкими. Именно так развивали свой понятийный аппарат математика, философия, логика, богословие и др. совершенствующиеся системы знаний. Но факты говорят о том, что наиболее абстрактны как раз самые древние варианты мифа. <...> Люди прошлого, якобы не обладавшие отвлеченным мышлением и способные лишь к простейшим формам обобщения непосредственного чувственного восприятия, создали сложнейший понятийный конструкт, каковым является ненаблюдаемая онтология, связанная с миром явлений тонким и непрямым способом» [21, с. 234].

Во-вторых, Ирина Богатырева использует миф не как смыслозначимый конструкт, а лишь орнаментально, иллюстрируя отдельными его элементами мотивы своих произведений. Она не стремится ни к национальной идентичности мифа, ни к его онтологической целостности. Это можно наблюдать даже в наиболее эндемичном (но эндемичном не славянской, а алтайской мифологии) романе «Кадын», где писательница смешивает элементы шаманизма, античной и «общей мифологии»: «Совершенно не претендуя на историческую достоверность, я отталкивалась в первую очередь от художественной необходимости текста. Мне пришлось привлечь очень большой мифо-

логический пласт, от общих языческих мотивов, до типично шаманистских. Несколько легенд — о появлении самих скифов и царской власти — я также почерпнула у Геродота, другие же, такие как о возникновении мира и его троичном устройстве — черпала из общей мифологии» [3].

Не знаю, что такое «общая мифология», но в любом случае очевидна эстетическая прагматика отношения Богатыревой к мифу, обусловленность его использования художественными задачами текста. Это разрушает сущностную связь произведений Богатыревой с мифом и типологическое родство с героическим эпосом и заставляет перейти к поиску других жанровых аналогий.

Магический реализм

Может быть, проза Богатыревой — это магический реализм, утверждает, разбирая "Формулу свободы", Яна Сафронова: «В прозе Ирины Богатыревой можно выделить два основных направления: реализм и одну из его разновидностей, реализм магический» [20]. Разграничивать реализм и магический реализм в прозе одного и того же автора несколько странно, особенно при литературоведческой неопределенности обоих понятий. Не менее странно, чем утверждать, что «Формула свободы» «явно тяготеет к реалистической традиции без «примесей» [20], упуская магические мотивы романа: духов, которых видит Волк, неорганических существ, наблюдаемых Максимом и Ленкой, мистические практики Дани в ашраме и историю утки, сотворившей мир, которой начинается и заканчивается повествование. К слову, у Богатыревой не бывает реализма «без примесей». В этом особенность ее авторского видения. Но, возражая Я. Сафроновой в частном, попробуем поверить ей в основном, сопоставив произведения Богатыревой с литературой «магического реализма».

Магический реализм — термин, в первую очередь связанный с послевоенной латиноамериканской литературой, «преломляющей изображение жизни сквозь призму мировосприятия индейцев или негров, во многом сохранивших свои особенные пантеистические представления о мире» [8]. Однако употребление понятия «магический реализм» разошлось достаточно широко как в территориальном, так и в хронологическом отношении, что позволяет сегодня относить к этому направлению как творчество художников и писателей немецкого постэкспрессионизма начала XX в., так и произведения русских писателей первой половины XX в. А. Платонова, М. Булгакова и др., а также романы современной писательницы О. Славниковой. Со всем этим можно согласиться, но с отнесением к магическому реализму творчества И. Богатыревой — нет. Поскольку, как пишет А. Гугнин, «произведение магического реализма обладает характерными чертами, которые лишь в совокупности достигают особого качества, позволяющего выделить тексты магических реалистов из массы во многом сходных произведений: а) специфическое использование категории времени — с целью раскрытия его субъективности и относительности; б) отказ от детерминированно-психологического принципа изображения человеческого сообщества, стремление изобразить функционирование этого сообщества на уровне мифического сознания; в) показ сосуществования и взаимопроникновения двух реальностей: “низшей”, первичной, вроде бы очевидной, но не доподлинной, и “высшей”, доподлинной, на уровне которой теряют всякий смысл и значение стереотипы поведения, пригодные для жизни в обманно очевидной реальности; г) “магическое пространство” произведения, хотя и может быть вполне конкретно очерченным, не совпадает полностью с каким-либо реальным географическим и историческим пространством, поскольку пространство магического реализма не подчиня-

ется общепринятым формам детерминизма, а живет по своим — магическим — законам, которые, однако, не имеют ничего общего с иррациональной мистикой [6, с. 106].

Из всех вышеназванных в прозе Богатыревой полностью не представлен ни один пункт. Пункт а) отсутствует совершенно: игры со временем, свернутым в кольцо или спираль в произведениях магического реализма, у Богатыревой нет. Художественное время ее произведений всегда конкретно и узнаваемо. Даже отдаленное эпическое время романа «Кадын» четко ориентировано на определенный культурный локус — пазырыкскую культуру. Если же, как в романе «Формула свободы» переплетены современность и 1990-е гг., то обе эпохи очерчены в конкретной убедительности деталей: «растянутые треники» и «тикаем, быро», с одной стороны, и экзамены в формате «ЕГЭ» и «анриал» — с другой.

Главное же несоответствие прозы Богатыревой пунктам б), в) и г), — это отсутствие приоритета «мифического сознания» (пункт б), «“высшей” магической реальности» (пункт в), «магических законов» (пункт г) над конкретным и очевидным. «Магические реалисты устраняют дилемму рационального и иррационального сознаний с помощью восстановления в правах мифически/магического мировидения» [6, с. 107]. Но в прозе Богатыревой обратная соподчиненность: мифически/магические элементы не формируют мировоззренческую основу произведения, а служат лишь средствами художественной изобразительности (поражение Вальки в борьбе с тьмой безумием сопровождается видением Анны, как Царевна Лебедь, сидящей в распахнутом окне «изломленно, нездешнее, отрешенно» («Товарищ Анна»); рабочие из «Формулы свободы», в 1990-е тащащие в темноте с завода что ни попадя, подросткам представляются неорганами, ворующими человеческий дух). Все произведения писательницы — о нашем, грешном, потешном и поддающемся рациональному объяснению мире. Мистические элементы в романах Богатыревой есть, а общего мистического мировидения нет.

Попытку перенести акцент с бытовой на «высшую» магическую реальность писательница предпринимает в романе «Жити и нежити». Но видимого успеха это не приносит, сказочно-мифологические включения только ослабляют сюжетную структуру произведения. «С жанровой точки зрения роман излишне эклектичен, это и сказка, и фольклорно-эпическое повествование, и детектив с голливудским саспенсом, и интертекст, и пародия, и реализм с легким привкусом чернухи» [11, с. 182]. С точки зрения мифологической онтологии в нем тоже нет целостности: в одной упряжке славянская обрядовость, античная образность, фантастические артефакты (волшебный варган и шарики судьбы) и вполне рационалистическое объяснение почти всего чудесного — действие происходит то в магазине этнических инструментов, то на фольклорном фестивале. Ну никак не получается у Богатыревой иррациональный модус «магического реализма». Нет мерцающей параллельности миров, перетекающих один в другой, нет возможности прочесть историю то так, то этак, каковую предоставляют читателю, скажем, произведения О. Славниковой. У Богатыревой элементы магического не меняют мир, а тогда какой же это магический реализм?

Фэнтези

Может быть, если элементы мифа используются в текстах Богатыревой как опорные точки, как звезды, вшитые в грубую ткань реальности, то это фэнтези? Ведь ее романы схожи с романами-фэнтези и проблематикой. Это всегда истории выбора, становления, обретения себя. По сути, все литература фэнтези выросла из легенды о пути к Граалю, символизирующем познание себя. Первый шаг на этом пути — отказ от прежнего мира (прощание с матерью, выход из леса), последний — принятие своего

«я» (борьба с тенью, встреча с самим собой на нитяном мосту). Между — возможны варианты этапов пути: жертва, переход в иной мир, сопротивление господину, запретная любовь. Все герои фэнтези проходят путь подростка, т. е. путь обретения себя. Так же и герои Богатыревой. Поэтому, да, ее книги можно отнести к подростковой литературе. Но так как в действительности не так уж много взрослых прошли путь обретения себя, то книги Богатыревой, как и литература фэнтези, не только для подростков, ведь проблема выбора сопровождает человека на протяжении всего его жизненного пути.

О жанровом определении фэнтези исследователи ожесточенно спорят. Но можно вычленил компонент, присущий всем произведениям этого рода, этот компонент — «магичность». «Возможно произведение, в котором ни разу не произошло колдовство, но при этом очевидно, что оно магично» [7]. Под магичностью фэнтези понимается одухотворенность изображаемого мира. М. И. Мещерякова называет фэнтези «неомифом», в котором построение целостной картины мира «сопровождается воссозданием мифо-синкретических структур мышления» [17]. Носителем мифологического сознания «мир ощущается как живой, изменяющийся, одушевленный, и человек верит в возможность магического воздействия на него» [16, с. 143].

И здесь мы снова видим расхождение с произведениями Богатыревой. Никакого магического воздействия человека на мир в них не предполагается.

Также не соблюдено еще одно субстанциональное свойство фэнтези — иномирье. Т. А. Касаткина называет фэнтези «особым царством»: «Фэнтези открывается как особая земля, где можно набраться того опыта, который скрыт на той земле, которую мы уже в достаточной степени покрыли слоем своих доммыслов, отходов своей жизнедеятельности, своего дурного отношения, которая под этим слоем уже замолчала, затихла, которая с нами уже не разговаривает» [12].

Но Богатырева пишет про наш мир. Про его реалии и проблемы. И идти к себе и внутренней свободе ее герою приходится по той земле, «которую мы уже в достаточной степени покрыли слоем отходов своей жизнедеятельности, своего дурного отношения».

Однако есть все же еще общая черта между фэнтези и произведениями Богатыревой. Это *одухотворение* действительности. Все события, имеющие место в фэнтези, управляются логикой духа. Так же в романах Богатыревой. Полнос добра — это человеческое «счастье», полнос «зла» — несчастье. Все миры всех произведений фэнтези подчиняются этим простым законам. Герой фэнтези, как и герой Богатыревой, проходит путь нравственного познания (он не меняется внутреннее, а идет к раскрытию и пониманию себя). И фэнтези, и романы Богатыревой — литература посвятельная, близкая мистерии и инициации.

Все тексты Богатыревой — философские притчи, а мифологические элементы в них — художественные аллегории. Так «Формула свободы» — рассказ о последнем школьном лете подростка, раненного смертью отца и алкоголизмом матери. Духовная история обретения им нового мира в самом себе сопровождается мифологической окантовкой — легендой об утке, сотворившей землю.

В одиночестве и смятении носилась утка по волнам изначального океана, и негде ей было снести яйцо. Тогда нырнула она в глубину океана, вынесла в клюве немного ила со дна и сделала остров. И снесла яйцо. Так начался мир.

В начале романа Максим Ганин так же бесприютен и одинок, как утка в начале легенды. Богатырева наделяет героя всем комплексом подростковых страданий. Оставленность, предательство, смерть возлюбленной, голод и холод — все проходит Ганин.

Это не просто пубертатный герой, а собирательный образ многих, чувствующих себя щепкой на волнах судьбы, не умеющих снести свое яйцо. Что значит повзрослеть? Это значит добыть землю и построить свой мир. Для этого мало стать воином, набраться мужества и нырнуть. Воин не создает новый мир, он гибнет за этот. Если хочешь создать свою землю, придется испачкать клюв в иле. Пройти через страхи и смерть, потерять привычный образ своего «я» и найти себя настоящего.

Ветер стих — они и не заметили. Тучи разметало, и небо светило на них своим белым шлейфом, протянутым от горизонта до горизонта. Как мост, как дорога между мирами, звезды висели над ними, как и сотни, тысячи и миллионы лет назад. И ни одна из них не была Полярная, хотя каждая имела свое имя [5, с. 298].

Если идти навстречу себе, то сквозь хмарь будней однажды блеснет нестерпимым светом истины и красоты горное озеро или звездное небо. И окажется, что мироздание целостно. Одиночество — иллюзия. А человеческое «я» равно Вселенной.

— Эгей! — раздался в стороне голос Буяна. — Эгей! Я один! На всем свете я один! Ле-ле-ле-ле-ле!

Они проломились через кусты. Он носился по белому, выглаженному ветром яру, орал и прыгал, валялся в снег, выныривал, плевался и снова прыгал, теряя носки. А под яром лежала Волга, белая и будто неживая, и терялась в черноте, в небытии, будто пространство кончалось, и что там — еще никто себе не помыслил, а потому ничего и не было, а был здесь самый край света [5, с. 299].

Обретение героем себя в книгах Богатырёвой всегда происходит в моменты экзотического слияния с природой. Здесь ключевой аспект её поэтики. По-настоящему остро и мистично И. Богатырева ощущает не миф, а природу. Ее одухотворенность и красоту. Именно она — чудо, и единение с ней — магия нашего мира. Другой не дано, да и не нужно:

Передо мной — зеленая трава, совсем, совсем зеленая, блестящая в ласковом солнышке. Лужайка. Земля убегает от асфальта полого, и ниже по склону, верно, течет река — там протянулись рядком ветлы с округлой кроной, в поклоне застывшие ветлы. Смотрю туда и будто вижу за зеленью ветвей, как взблескивает, играя на солнце, вода. Потом понимаю, что уже иду вниз, сквозь траву и, поняв, вдруг ложусь, обнимаю землю, чувствую ее касание на коже, и почти плачу — такое полное счастье охватило меня. В этот миг как на ладони вижу всю свою дорогу, сверху и вдаль, в прошлом и сейчас, и все, что я вижу — чудо: каждая машина, открывшая нам дверь, — великая доброта, каждый человек, нам повстречавшийся, — великое терпение и радость. Разливается, как спокойная, на солнце теплая и желтая река, чувство благодарности. Вспоминается каждый драйвер, хотя лиц нет, они обычно спиной ко мне сидели, но все они проходят передо мной, и хочется каждому снова сказать: спасибо. Мы и они — едины, и все это вместе — дорога. Любишь ли ты то, что вокруг тебя? [1, с. 274].

Итак, одухотворенность мира для И. Богатыревой — в единении с природой и постижении своего «я». А это субстантивное свойство славянского фэнтези.

Славянское фэнтези

В России возникновение оригинальной литературы фэнтези (Н. Перумов, А. Мазин, С. Лукьяненко, М. Семенова) относится к началу 1990-х гг.¹ К концу XX в.

¹ Бум переводного фэнтези в России приходится на вторую половину 80-х гг. XX в. Подражательные произведения русского фэнтези выходят в конце 1980-х гг. «Хронологически первое произведение современного русского фэнтези было создано в 1980-х годах Н. Перумовым и представляло собой продолжение “Властелина колец” Дж. Р. Р. Толкиена» [16, с. 112].

формируется славянское фэнтези, представленное такими авторами, как М. Семенова, О. Григорьева, Ю. Никитина, Е. Дворецкая и др. Славянское фэнтези представляет собой интересную научную проблему, так как, по мнению, скажем, Анджея Сапковского, вообще существовать не может в связи с «отсутствием материала» из-за целенаправленного уничтожения славянской мифологии на ранних этапах ее фиксации и подменной мифологией христианской. «Нет у нас фэнтези, ибо, во-первых, у нас нет архетипа. Да, знаю, имеется славянская мифология: разные Сварожцы, Свантевиты и прочие Белесы. Но мифология эта не доходит до нас своим архетипом, и мы не чувствуем ее влияния на сферу мечтаний поскольку об этом эффективно позаботились. Славянская мифология тождественна язычеству, а мы, как твердыня христианства, восприняли крест от Рима с радостью и удовольствием, и это есть наш архетип. У нас не было эльфов и Мерлина, до 966 года у нас вообще ничего не было, был хаос, тьма и пустота, мрак, который осветил нам только римский крест. <...> Наши легенды, мифы, даже предания и сказки, на которых мы воспитывались, были соответствующим образом кастрированы всяческими катехизаторами, в большинстве своем, вероятно, светскими, ибо такие, как известно, хуже всего. В связи с этим наши предания до чертиков напоминают жития святых — ангелы, молитвы, крест, четки, добродетель и грех, — и все окрашено изысканным садизмом. Мораль из наших сказок одна: если не прочесть молитву, то дьявол немедля поднимет нас на вилы и в ад!» [17].

Сапковский прав относительно мифологии, однако не учитывает того, что духовный фонд славянского национального сознания под влиянием ситуации диглоссии на Руси, геополитических особенностей ее развития и пр. переместился в устное народное творчество и в фольклоре существовал и передавался из поколения в поколение, формируя устойчивый, хоть и не всегда осознаваемый образ национального самосознания. «Можно предположить, что в сознании русского читателя представление о мифологии предков сформировано на уровне бессознательного интуитивного восприятия» [14, с. 143].

Литература славянского фэнтези по духу и сюжету близка фольклорным жанрам волшебной сказки и героического эпоса. Волшебная сказка метафорически учит законам мироздания, героический эпос — истории и правилам жизни народа.

То же самое можно сказать о произведениях И. Богатыревой. Все сходится, кроме одного. Главного. Фэнтези всегда отражает мир на грани катастрофы и его спасение. Это неомиф, иное царство. А книги Богатыревой прочно укоренены в реальности фактов и логики и рассматривают человека в комплексе его экзистенциальных проблем, главной из которых является проблема свободы.

Выводы

Первое: миф для Богатыревой лишен сакральности. Она использует его элементы, но достаточно рационально, черпая из мифологии скорее средства художественной выразительности, чем идеи: «Эти элементы — формулы человеческого существования, так сказать, его образный генофонд» [3]. Поэтому правильнее говорить не о мифологичности как таковой, а о фольклорной образности и мифологической орнаментальности текстов И. Богатыревой.

Второе: одухотворенность текстов Богатыревой, особое авторское видение, преобразующее некоторые моменты повествования в метафоры «высшей» реальности, всегда сопряжены у нее с описаниями природы. Одухотворенность природы, пожалуй, и есть главная магия ее прозы.

Третье — это особое лирическое «я» произведений Богатыревой, представляющее собой некий симбиоз авторской личности и главного героя, типологически близкое и к идеологически концентрированному «я» героя эпических сказаний, и к фольклорному «мы», и в то же время к эгоцентричному «я» романтического героя, отражающему мир через призму своего восприятия.

Соберем все вместе: ведущая проблема свободы, фольклорные элементы, смыслообразующая функция природы и авторское «я», помещенное в центр художественной картины мира и равное общенародному «мы». Отсюда следует неожиданный вывод: тексты Богатыревой имеют не мифологический, а романтический модус художественности. Через призму романтической эстетики писательница решает реалистическую задачу становления человека как личности.

Эклектически соединяя эстетику романтизма с тематикой реализма и проблематикой экзистенциализма, И. Богатырева дискурс, онтологически близкий фольклорному. Предназначение фольклора в том, чтобы помочь человеку ориентироваться в окружающем мире. Фольклор напрямую связан с природой. В фольклоре осуществлено то самое родство внутреннего «я» с общенародным «мы», о котором мы говорили относительно текстов Богатыревой. Получается, характерные черты прозы Богатыревой родственны не мифу, а фольклору, соединяющему индивидуальное стремление человека понять себя с мудростью народа и природы. Объяснять мир с помощью мифа писательница не стремится, так же как и создавать свой миф. Её задача - вписать современного человека в систему природных закономерностей бытия, но в контексте общечеловеческой истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Богатырева И.* АвтоSTOP. М.: Эксмо, 2008. 228 с.
- 2 *Богатырева И.* Жити и нежити. М.: Э, 2017. 320 с.
- 3 *Богатырева И.* Мифология и современная литература. Опыт творческого преломления. Доклад, прочитанный на VI научно-практическом семинаре «Творческое чтение в системе литературного образования», прошедшем 27–28 марта 2014 г. Институт художественного образования РАО // Сайт Ирины Богатыревой. URL: <http://www.i-bog.ru/mifologiya-i-sovremennaya-literatura-opyt-tvorcheskogo-prelomleniya> (дата обращения: 22.02.2018).
- 4 *Богатырева И.* Товарищ Анна. М.: АСТ. Астрель, 2011. 316 с.
- 5 *Богатырева И.* Формула свободы. М.: Аквилегия-М, 201. 352 с.
- 6 *Гугнин А. А.* Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М.: Изд-во Научного центра славяно-германский исследований ИСл РАН, 1998. 117 с.
- 7 *Гумерова Л. А.* Зачем мы изучаем фэнтези // Как и зачем изучать фэнтези? Семинар отдела теории литературы ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, посвященный роли фэнтези в современной культуре 13.12.2016 // Блог Николая Подосокорского. URL: <http://philologist.livejournal.com/8931067.html> (дата обращения: 22.02.2018).
- 8 *Жаринов Е. В.* Магический реализм // Самописка.ру URL: http://samopiska.ru/main_dsp.php?top_id=1608 (дата обращения: 22.02.2018).
- 9 *Жучкова А. В.* Не быть мышью. И. Богатырева «Формула свободы» // Сайт журнала «Новый мир». URL: http://www.nm1925.ru/Controls/Archive/Journal6_2018_2/Content.aspx (дата обращения: 22.02.2018).

- 10 *Жучкова А. В.* Образ лягушки как символ внутренней трансформации героя в русском и немецком фольклоре // Вестник славянских культур. 2014. Т. 4 (34). С. 107–115.
- 11 *Жучкова А. В.* Сказка о мертвых и живых душах. (Ирина Богатырева «Жити и нежити») // Октябрь. 2017. № 7. С. 180–183.
- 12 *Жучкова А. В.* Сказка-роман, или снова о жанре фэнтези // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 1. С. 60–67.
- 13 *Касаткина Т. А.* О литературе фэнтези. Беседа с Н. Подосокорским. 14.09.2013 // Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eWADUg0Ials> (дата обращения: 22.02.2018).
- 14 *Ковтун Е. Н.* Поэтика необычайного. Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. М.: Изд-во МГУ, 1999. 310 с.
- 15 *Королькова Я. В.* О соотношении литературной сказки и фэнтези // Вестник ТГПУ. 2000. Вып. 8. С. 142–144.
- 16 *Лебедев И. В.* Проблема жанровой классификации фэнтези как вида // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 3. С. 111–114.
- 17 *Мещерякова М. И.* Русская неомифологическая проза в круге детского и юношеского чтения второй половины XX в. // Русская детская, подростковая и юношеская проза второй половины XX века: проблемы поэтики. М.: Мегатрон, 1997. 381 с.
- 18 *Сапковский А.* Вареник, или Нет золота в Серых горах // Modernlib.ru. URL: http://modernlib.ru/books/sapkovskiy_andzhey/net_zolota_v_serih_gorah/read_2 (дата обращения: 22.02.2018).
- 19 *Сафронова Е. В.* VI Форум молодых писателей России: несколько интервью // Сетевая словесность. URL: <http://www.netslova.ru/safronova/lipki.html> (дата обращения: 22.02.2018).
- 20 *Сафронова Я.* Две формулы свободы // Литerrатура.org. URL: http://litteratura.org/issue_criticism/2572-yana-safronova-dve-formuly-svobody.html (дата обращения: 22.02.2018).
- 21 *Тростников В. Н.* Мысли перед рассветом. П.: Умса-Press, 1980. 360 с.
- 22 *Чупринин С. И.* Фэнтези. Славянское фэнтези // Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям // E-libra.ru. URL: <http://e-libra.ru/read/179890-russkaya-literatura-segodnya.-zhizn-po-ponyatiyam.html> (дата обращения: 22.02.2018).

© 2018. Anna V. Zhuchkova
Moscow, Russia

BOGATYR'S² PROSE OF I. BOGATYREVA. GENRE ECLECTICISM

Abstract: The work of contemporary writer Irina Bogatyreva actualizes images of Slavic folklore and world mythology. However, literary critics still can not arrive at common view on what genre and mode of literature her texts belong to. There are such definitions as “magical realism”, “ethnic fantasy”, “Slavic fantasy”, “mythopoetic novel”. This study allowed to substantiate the typological nonconformity of Irina Bogatyreva's texts to the above-mentioned genres and to delimit them consistently from such concepts

² From Russian “bogatyр” — hero of Russian folk epics; mighty, powerful, heroic warrior.

as “magical realism”, “fantasy”, “heroic epic” and “Slavic fantasy”. The analysis of the mythopoeitic component of I. Bogatyreva`s works revealed their orientation not towards mythological but to the folklore-ritual imagery, and also makes it possible to assert that the function of folklore elements in the writer's texts is reduced to merely illustrative-ornamental one.

Keywords: Irina Bogatyreva, myth, folklore, Russian folk epics, ritual, nature, Slavic fantasy.

Information about author: Anna V. Zhuchkova — PhD in Philology, Assistant Professor, Peoples` Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow 117198 Moscow, Russia. E-mail: capra@mail.ru

Received: February 22, 2018

Date of publication: December 28, 2018

For citation: Zhuchkova A. V. Bogatyr`s prose of I. Bogatyreva. Genre eclecticism. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 50, pp. 216–228. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Bogatyreva I. *AvtoSTOP* [Hitchhiking]. Moscow, Jeksmo Publ., 2008. 228 p. (In Russian)
- 2 Bogatyreva I. *Zhiti i nezhti* [The living and undead]. Moscow, Je Publ., 2017. 320 p. (In Russian)
- 3 Bogatyreva I. Mifologija i sovremennaja literatura [Mythology and modern literature]. Opyt tvorcheskogo prelomlenija. Doklad, pročitannyj na VI nauchno-praktičeskom seminarě “Tvorčeskoe čtenie v sisteme literaturnogo obrazovanija”, prošedšem 27–28 marta 2014 g. v Institute hudozhestvennogo obrazovanija RAO [Mythology and modern literature. Experience of artistic interpretation. The report given at the 6 scientific and practical seminar “Creative reading in the system of literary education”, held on March 27–28, 2014, Institute of art education RAO]. *Sait Iriny Bogatyrevoi* [Irina Bogatyreva`s website]. Available at: <http://www.i-bog.ru/mifologiya-i-sovremennaya-literatura-opyt-tvorcheskogo-prelomleniya> (accessed 22 February 2018). (In Russian)
- 4 Bogatyreva I. *Tovarishh Anna* [Comrade Anna]. Moscow, ASTAstrel' Publ., 2011. hero of the Russian folk epics; mighty, heroic warrior 316 p. (In Russian)
- 5 Bogatyreva I. *Formula svobody* [Formula of Freedom]. Moscow, Akvilegija-M Publ., 201. 352 p. (In Russian)
- 6 Gugin A. A. *Magičeskii realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka: fenomen i nekotorye puti ego osmyslenija* [Magical realism in the context of 20th century literature and art: phenomenon and approach towards understanding]. Moscow, Izd-vo Nauchnogo tsentra slaviano-germanskii issledovanii ISI RAN Publ., 1998, 117 p. (In Russian)
- 7 Gumerova L. A. Zachem my izučaem fjentezi [Why do we study fantasy]. Kak i zachem izučat' fjentezi? Seminar ot dala teorii literatury IMLI im. A. M. Gor'kogo RAN, posvjashhennyj roli fjentezi v sovremennoj kul'ture 13.12.2016 [How and why study fantasy? Seminar of the Department of theory of literature of the Gorky Institute of World literature, Russian Academy of Sciences, on the role of fantasy in contemporary culture 13 December 2016]. *Blog Nikolaia Podosokorskogo* [Blog of Nicholas Podosokorsky]. Available at: <http://philologist.livejournal.com/8931067.html> (accessed 22 February 2018). (In Russian)

- 8 Zharinov E. V. Magicheskij realizm [Magical realism]. *Samopiska.ru*. Available at: http://samopiska.ru/main_dsp.php?top_id=1608 (accessed 22 February 2018). (In Russian)
- 9 Zhuchkova A. V. Ne byt' mysh'ju. I. Bogatyreva "Formula svobody" [Not to be a mouse. I. Bogatyreva "Formula of freedom"]. Sait zhurnala "Novyi mir" [Official website "Novyj mir"]. Available at: http://www.nm1925.ru/Controls/Archive/Journal6_2018_2/Content.aspx (accessed 22 February 2018). (In Russian)
- 10 Zhuchkova A. V. Obraz liagushki kak simvol vnutrennei transformatsii geroia v ruskom i nemetskom fol'klоре [Frog as a symbol of personal development in the Russian and German folklore]. *Vestnik slavjanskikh kul'tur*, 2014, vol. 4, no 34, pp. 107–115. (In Russian)
- 11 Zhuchkova A. V. Skazka o mertvyh i zhivyh dushah (Irina Bogatyreva "Zhiti i nezhti") [Tale of the dead and living souls. (Irina Bogatyreva "The living and undead")]. *Oktjabr'*, 2017, no 7, pp. 180–183. (In Russian)
- 12 Zhuchkova A. V. Skazka-roman, ili snova o zhanre fjentezi [Fairytale novel or Fantasy genre revisited]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*, 2018. no 1, pp. 60–67. (In Russian)
- 13 Kasatkina T. A. O literature fjentezi [On fantasy literature]. Beseda s N. Podosokorskim 14.09.2013 [Conversation with N. Podosokorsky 14 September 2013]. *Youtube.com*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=eWADUg0Ials> (accessed 22 February 2018). (In Russian)
- 14 Kovtun E. N. *Pojetika neobychnogo. Hudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoj skazki, utopii, pritchi i mifa* [Poetics of the extraordinary. Artistic worlds of fantasy, fairy tale, utopia, parable and myth]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1999. 310 p. (In Russian)
- 15 Korol'kova Ja. V. O sootnoshenii literaturnoj skazki i fjentezi [On correlation of literary fairy tales and fantasy]. *Vestnik TGPU*, 2000, vol. 8, pp. 142–144. (In Russian)
- 16 Lebedev I. V. Problema zhanrovoj klassifikacii fjentezi kak vida [The issue of genre classification of fantasy]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, 2015, no 3, pp. 111–114. (In Russian)
- 17 Meshherjakova M. I. Russkaja neomifologicheskaja proza v krugе detskogo i junosheskogo chtenija vtoroj poloviny XX veka [Russian neo-mythological prose in the circle of children and youth reading of the second half of the 20th century]. *Russkaja detskaja, podrostkovaja i junosheskaja proza vtoroj poloviny XX veka: problem pojetiki* [Russian children's, teenage and youthful prose of the second half of the 20th century: issues of poetics]. Moscow, Megatron Publ., 1997. 381 p. (In Russian)
- 18 Sapkovskij A. Varenik, ili Net zolota v Seryhgorah [Dumpling, or No gold in the Grey mountains]. *Modernlib.ru*. Available at: http://modernlib.ru/books/sapkovskiy_andzhey/net_zolota_v_serih_gorah/read_2 (accessed 22 February 2018). (In Russian)
- 19 Safronova E. V. VI Forum molodyh pisatelej Rossii: neskol'ko interv'ju [6 Forum of young writers of Russia: several interviews]. *Setevaja slovesnost'*. Available at: <http://www.netslova.ru/safronova/lipki.html> (accessed 22 February 2018). (In Russian)
- 20 Safronova Ja. Dve formuly svobody [Two formulas of freedom]. *Literratura.org*. Available at: http://litteratura.org/issue_criticism/2572-yana-safronova-dve-formuly-svobody.html (accessed 22 February 2018). (In Russian)
- 21 Trostnikov V. N. *Mysli pered rassvetom* [Thoughts before dawn]. Parizh, Ymca-Press Publ., 1980. 360 p. (In Russian)

- 22 Chuprinin S. I. Fjentezi. Slavjanskoe fjentezi [Slavic fantasy]. Russkaja literature segodnja. Zhizn' po ponjatijam [Russian literature today. Life in keeping with concepts]. *E-libra.ru*. Available at: <http://e-libra.ru/read/179890-russkaya-literatura-segodnya.-zhizn-po-ponyatijam.html> (accessed 22 February 2018). (In Russian)